

О. Р. БОРОДИН

ЭВОЛЮЦИЯ ВОЙСКА В ВИЗАНТИЙСКОЙ ИТАЛИИ В VI—VIII вв. (военно-организационный аспект)

Возникновение Равеннского и Карфагенского экзархатов — особых полувластных политических образований в составе Византийской империи, в которых впервые был воплощен в жизнь принцип соединения гражданской и военной власти в одних руках, было естественным следствием феодализационных процессов, протекавших в государстве ромеев в VI—VII вв.¹ Вместе с тем несомненно, что постоянная военная опасность, в условиях которой складывалась социальная и административная структура экзархатов (особенно Равеннского), наложила отчетливый отпечаток на их развитие. Экзархаты приобрели черты военно-административных социальных организмов, в судьбе которых войско играло исключительно важную, часто решающую роль. Этим объясняется то особое значение, которое имеет военно-историческая проблематика для исследования их истории.

В данной статье речь пойдет о византийском войске в Равенском экзархате. Усилиями Ш. Дилия, а в последнее время А. Гийу было доказано, что это войско постепенно иррегуляризировалось, превращаясь в своеобразное местное ополчение. Однако этапы названного процесса и конкретные формы, в которых он протекал, до сих пор не вполне изучены. Вследствие этого не разрешен и вопрос о соотношении византийского войска и городской территориальной милиции, поставленный еще Ш. Дилем.

После окончания готской войны оборона покоренной Италии осуществлялась византийским войском. Основой его являлись *στρατιώται*. Здесь, как и по всей стране, они объединялись в *пимерги* (греч. *ἄριθμοι*), насчитывавшие от 200 до 500 солдат во главе с трибуном². В этом плане оккупационная византийская армия не отличалась от армии завоевания, воины которой, согласно неоднократным свидетельствам Прокопия, были объединены в *каталоги*³ (широко распространенное обозначение регулярных византийских воинских частей)⁴. Памятники конца VI—начала VIII в. (как и более поздние) неоднократно упоминают о византийских *пимерги* в Италии⁵. Из других видов вооруженных сил в Италии, без-

¹ История Византии. М., 1967, т. 1, с. 376—378; Prozess der Herausbildung des Feudalismus in Byzanz im 7. Jahrhundert. Untersuchungen zur Herausbildung des Feudalismus. В., 1978.

² Grosse R. Römische Militärgeschichte von Gallienus bis zum Beginn der byzantinischen Themenverfassung. В., 1920, S. 274; Guillou A. Régionalisme et indépendance dans l'Empire Byzantine au VIIe siècle. L'Exemple de l'exarchat et de la Pentapole d'Italie. Roma, 1969, p. 151.

³ Procop. Bell. Goth., II, 23, 2; III, 39, 6; IV, 31, 5. — In: Procopii Caesariensis Opera Omnia / Ed. J. Hauray. Leipzig, 1963, t. 2.

⁴ Haldon J. F. Recruitment and Conscription in the Byzantine Army 550—950. A Study on the Origins of the Stratiotika ktemata. Wien, 1979, p. 24—25.

⁵ См. сводку сведений о *numeri* в Италии: Diehl Ch. Etudes sur l'administration byzantine dans l'Exarchat de Ravenne (568—754). P., 1888, p. 316.

условно, сохранялись лишь гвардейские формирования — так называемые *scholae*. Однако судить об их организации и функциях не представляется возможным, ибо мы располагаем лишь двумя скудными упоминаниями о войсках этих *scholae*⁶. Ни о федератах, ни о *limitanei* в византийской Италии не говорит ни один источник⁷. Характерно, что для жителя Италии конца VI в. выражения «служить в армии» и «находиться в *numeri*» звучали как синонимы. Так, папа Григорий Великий использует в подобных случаях сочетание «*in numeris militasse*»⁸; протестуя против практики пострижения воинов в монахи, он говорит о тех, кто обращается в монастыри из военных *numeri*⁹ и т. п.

Numeri базировались в городах и крепостях. К примеру, гарнизон Рима составляли воины Феодосийского *numerus* (*Theodosiaci*)¹⁰. Естественно, что *numeri* могли быть передислоцированы из одного города в другой. Тот же Григорий Великий (в 595 г.) требовал переброски войск из Нарни и Перуджи в столицу, возмущаясь тем, что «ради сохранения Перуджи оставлен Рим»¹¹. Во время таких перемещений воинские формирования могли временно останавливаться на постой в мирных поселениях и даже в монастырях (см. гневное письмо Григория Великого неаполитанскому епископу Фортунату о необходимости немедленного вывода подразделения солдат, остановившегося на постой в женском монастыре)¹². Видимо, в этих случаях местные жители (или монахи) должны были обеспечивать солдат жильем и провиантом, на что указывает употребленный в письме папы Григория глагол «*hospitentur*».

Numerus мог дислоцироваться по частям в разных городах, как, например, упомянутый Феодосийский, часть которого находилась в Риме, другая — в Равенне¹³. Наконец, в некоторых случаях *numeri* базировались не в населенных пунктах, а в специальных военных лагерях. Один из таких лагерей с начала VII в. находился в Истрии и служил базой для *numerus Tergestinus*¹⁴. Если *numerus* квартировал в городе, то один из городских домов отводился под его штаб. К примеру, Баварский кодекс упоминает о наличии в Римине «дома Ариминского *numerus*» (*Domucella S. Georgii numeri Ariminensis*)¹⁵. Войско получало императорское жалованье — «*ругу*» (лат. *roga*, греч. *ρόγα*), для выплаты которой назначались специальные должностные лица — *сакеллари*¹⁶. Все сказанное свидетельствует, что находившееся в Италии византийское войско представляло собой часть регулярной императорской армии (*στρατιώτης*), не отличавшуюся каким бы то ни было своеобразием.

С первых лет византийского господства, а особенно с начала лангобардской агрессии, византийская Италия испытывала острый дефицит

⁶ *Tjäder J.-O.* Die nichtliterarischen lateinischen Papyri Italiens aus der Zeit 445—700. Lund, 1955, Bd. I, Pap. 24, 27.

⁷ Л. М. Гартманн, ссылаясь на пример Карфагенского экархата, считал, что *limitanei* в Италии были. См.: *Hartmann L. M.* Untersuchungen zur Geschichte der byzantinischen Verwaltung in Italien (540—750). Leipzig, 1889, S. 52. Все же при полном отсутствии свидетельств источников такая точка зрения не представляется обоснованной. Удивительная легкость, с какой лангобарды преодолели северную границу экархата, ставит под сомнение наличие там специальных подразделений византийской пограничной стражи.

⁸ *Greg. Magn.* Ep. IV, 37. — In: *Gregorii I Papae Registrum Epistolarum*. B., 1891—1899, t. I—II.

⁹ *Ibid.*, II, 13.

¹⁰ *Ibid.*, II, 45.

¹¹ *Ibid.*, V, 36.

¹² *Ibid.*, IX, 207.

¹³ *Tjäder J.-O.* Op. cit., Pap. 16.

¹⁴ *Placitum de Rignano*. — In: *Guillou A.* Op. cit., p. 303.

¹⁵ *Codex Traditionum Ecclesiae Ravennatis nunc Monachi asservatus*/Ed. J. Bernhard. München, 1810, p. 43.

¹⁶ *Greg. Magn.* Ep. II, 45; V, 30; 36; 38; 39; IX, 240. Об общих принципах материального обеспечения войска в это время см.: *Patlagean E.* L'impôt payé par les soldats au VIe siècle. — In: *Armées et fiscalités dans le monde antique*. P., 1977, p. 303—309.

в солдатах. Находящихся в распоряжении администрации регулярных воинских формирований было явно недостаточно для защиты страны, чем, в частности, объяснялись тяжелые поражения, которые византийцы постоянно терпели в войне с лангобардами в последней трети VI в. Для восполнения этого недостатка правительство трижды (в 575¹⁷, 579¹⁸ и 591¹⁹ гг.) направляло в Италию дополнительные вооруженные контингенты. Однако обеспечить Италии сколько-нибудь систематическую военную помощь империя была не в силах из-за обострения политической ситуации на Востоке. Римские папы Пелагий II и Григорий I неоднократно сообщают в своих письмах о катастрофической нехватке войск, ставшей под угрозу само существование византийских владений на Апеннинах²⁰. Хронист Иоанн Бикларийский говорит (с известным преувеличением) о гибели в Италии всех византийских солдат (*omnino sunt caesi*)²¹.

Естественным выходом из положения стало формирование войска на месте, в экзархате. Так, среди византийских *numeri* появились подразделения, носящие специфические итальянские наименования: *numeri victoricum Mediolanensium*²², *Veronensium*²³, *filicum Ravenensium*²⁴, *Ariminensium*²⁵, *Tarvisianus*²⁶, *Tergestinus*²⁷, *Centumcellensium*²⁸ и др. Как видим, эти подразделения получали имена по названиям итальянских населенных пунктов. При этом следует подчеркнуть, что их наименования соответствовали месту набора каждого *numerus*, но не месту его дислокации. Так, воины *numerus Mediolanensium* и *numerus Veronensium* известны нам по документам из Равенны, где они имели недвижимость, выступали свидетелями при заключении сделок и т. д. Видимо, прав А. Гийу, считающий, что и сами эти *numeri* базировались в Равенне, а не в Милане или Вероне²⁹. В этом отношении *numeri*, набранные в Италии, не отличались от прочих, также располагавшихся в экзархате, но сформированных в других провинциях империи (*numeri felicium Persoarmeniorum*³⁰, *Arminiorum*³¹, *Dacicus*³², *Illyricianorum*³³ и т. д.).

Каким образом набирались эти войска? В отношении *numeri*, переведенных в Италию из других провинций, можно утверждать, что основой их формирования был набор добровольцев, готовых служить за плату. Английский историк Дж. Тилл показал на общеимперском материале, что в VI в. это был главный способ пополнения византийского войска³⁴. Несмотря на отсутствие прямых свидетельств, надо полагать, что и в Италии армия формировалась таким же образом. Правда, именно из Италии (точнее, из Сицилии) мы имеем последнее в истории Византии упоминание о принудительном рекрутском наборе в соответствии с принципом *praebitio tironum* (июль 592 г.)³⁵. Но это уникальное свидетельство

¹⁷ *Iohannis Biclarensis Chronicon*. — In: PL, t. 72, col. 865.

¹⁸ *Menandri Protectoris fragmenta*. Bonnae, 1829, p. 331—332, fr. 49.

¹⁹ *Georgius Cedrenus*. Σύνοψις ἱστοριῶν / Ed. J. Bekker. Bonnae, 1838, p. 695.

²⁰ Письмо папы Пелагия II апокрисиарию Григорию, см.: PL, t. 72, col. 703; *Greg. Magn.* Ep. II, 45; V, 36.

²¹ *Iohannis Biclarensis Chronicon*, col. 867.

²² *Tjäder J.-O.* Op. cit., Pap. 20.

²³ *Ibid.*, Pap. 22.

²⁴ *Martini G.* I papiri diplomatici, raccolti ed illustrati. Roma, 1804, Pap. 22.

²⁵ *Codex Traditionum*. . . , p. 39, 43.

²⁶ CIL, V, 1593.

²⁷ *Guillou A.* Op. cit., p. 303.

²⁸ Дарственная грамота 744 г. См.: *Guillou A.* Op. cit., p. 310—311.

²⁹ *Guillou A.* Op. cit., p. 153.

³⁰ CIL, V, 1591; *Martini G.* Op. cit., Pap. 122.

³¹ *Tjäder J.-O.* Op. cit., Pap. 22, 23.

³² CIL, V, 7771.

³³ *Ibid.*, Pap. 18/19.

³⁴ Этот вывод обоснован в работе: *Teall J. K.* The Barbarians in Justinian's Army. — *Speculum*, 1965, v. XI, N 2, p. 296.

³⁵ *Greg. Magn.* Ep. II, 38. О рекрутском наборе в ранней Византии см.: *Grosse R.* Op. cit., S. 107.

о практике воинского набора, давно отошедшей в прошлое в других частях империи, скорее всего, отражает экстраординарную ситуацию, когда тяжелейшая война против лангобардов заставила византийцев использовать все доступные методы для пополнения войска.

Названия воинских формирований как в Византии вообще, так и в византийской Италии в частности сохранялись на протяжении многих десятилетий. Так, наименование *numerus Persoarmeniogum* мы встречаем в 571 г.³⁶ и в конце VI в.³⁷, *Mediolanensium* — ок. 600 г.³⁸ и в 709 г.³⁹, *Arminiogum* — в 639 г.⁴⁰ и в конце VII в.⁴¹ и т. п. Естественно, что эти *numeri*, однажды набранные в каких-то отдаленных провинциях империи, будучи дислоцированы в Италии, пополнялись за счет местного населения. В пользу этого мнения говорят следующие соображения: *numeri* в византийской Италии находились в числе прочих, обозначенные не по названию местности, а по имени императора, например *Theodosiacus*. Ясно, что в этих случаях мы имеем дело с названиями, никак не предопределяющими условия воинского набора. Сомнительно, чтобы другие *numeri*, во всех отношениях такие же, как упомянутые, отличались от них по способу комплектования;

нам ничего не известно о присылке новобранцев из других районов империи для службы в итальянских подразделениях. Кроме того, переправка их из таких далеких областей, как, к примеру, Армения, оказалась бы слишком дорогостоящей и трудноосуществимой;

от других регионов империи мы располагаем сведениями о том, что в *numeri*, называвшихся по именам различных провинций и этносов, служили лица иного происхождения. Так, Ж. Масперо установил, что в византийском Египте в подразделениях, именовавшихся *Transtigritani*, *Mauri*, *Scythi* и т. д., служили египтяне⁴²;

сохранилась грамота 639 г. о вкладе в патримоний Равеннской архиепископии, сделанном Павлацисом, воином *numerus Arminiogum*. Он назван «сыном покойного Стефана, примичера *numerus Veronensium*»⁴³. Отец вполне взрослого в 639 г. воина мог служить в Веронском *numerus* примерно в начале VII в., в эпоху, близкую ко времени формирования итальянских воинских подразделений, и, скорее всего, был итальянцем (имя Стефан, хотя и греческое по происхождению, было распространено здесь достаточно широко). Во всяком случае, сам Павлацис наверняка родился в Италии и ни по рождению, ни по отцу не имел отношения к Армянскому *numerus*, где в дальнейшем служил. Цитируемый документ позволяет еще раз подчеркнуть, что и для итальянца место жительства не предопределяло места службы и уроженец Вероны мог служить в *numerus*, расквартированном в другом месте и называемом иначе⁴⁴.

В целом можно заключить, что источники не дают никаких оснований говорить об отличиях в структуре или функциях частей, сформированных в Италии и в других областях империи. И те и другие представляли собой обычные регулярные формирования византийской армии.

Основным фактором, обусловившим с начала VI в. развитие иррегуляризации византийского войска в Италии, был процесс его сближения

³⁶ CIL, V, 1591.

³⁷ Marini G. Op. cit., Pap. 122.

³⁸ Tjäder I.-O. Op. cit., Pap. 20.

³⁹ Agnelli Liber Pontificalis Ecclesiae Ravennatis (далее: Agnellus). — In: *Scriptores rerum Langobardicarum et Italicarum* / Ed. O. Holder-Egger. Hannoverae, 1878, p. 370.

⁴⁰ Tjäder I.-O. Op. cit., Pap. 22.

⁴¹ Ibid., Pap. 23.

⁴² Maspero J. Φοιδεράτοι et Στρατιῶται dans l'armée byzantine au VIe siècle. — BZ, 1912, p. 164.

⁴³ Tjäder I.-O. Op. cit., Pap. 22.

⁴⁴ Известно, что до того, как византийское правительство приступило к формированию войска в Италии на местной основе, некоторые итальянцы нанимались в частные отряды магнатов далеко за пределами Апеннинского полуострова. Так, уроженец Равенны упоминается в числе буккелариев Аппионов в одном из Оксиринхских папирусов. См.: *Papyri greci e latini* / Pubblicazioni della Società Italiana. Firenze, 1912, v. 1, Pap. 953, p. 138.

с социальным слоем средних и крупных земельных собственников. Этот процесс имел две стороны: с одной — византийские воины, невзирая на запрещение владеть недвижимостью по месту службы, покупали, а чаще арендовали на льготных условиях земельные участки и целые поместья; с другой — местные собственники земли с охотой поступали на военную службу. Оба аспекта подробно рассматривались в историографии⁴⁵. Здесь необходимо лишь добавить, что земельными собственниками уже в первой половине VII в. становятся не только высшие византийские офицеры, но и рядовые солдаты, подобные упомянутому Павлацису. Его отец, как мы помним, был примицером — одно из званий младшего командного состава. Также примицером был Иоани, служивший ок. 700 г. в Равенском *pumegus* и подаривший Равенской церкви крупный земельный участок⁴⁶.

Процесс превращения воинов в собственников земли в Италии — явление не уникальное, имеющее параллели, например, в истории византийского Египта⁴⁷. Здесь же, на Апеннингах, мощным его ускорителем являлись систематические, часто многолетние задержки с выплатой жалованья солдатам. Невозможность получить ругу заставляла военных (и в первую очередь простых воинов) искать иные источники средств существования, чаще всего — приобретать землю. Конфликты, связанные с невыплатой жалованья, отмечены источниками в 592, 616, 642 гг. Обратимся к истории некоторых из них.

В 616 г. экзарх Элефтерий подавил сепаратистское выступление против византийского господства в Равенне и в Неаполе. Из Неаполя он вернулся в Равенну, и «после выдачи руги воинам установился мир по всей Италии»⁴⁸. Вопреки мнению А. Гийу⁴⁹, эта фраза не дает еще оснований считать, что воины были главной движущей силой мятежа, так как именно они его и подавили (Элефтерий прибыл из Константинополя без войска и мог использовать для борьбы с восставшими только итальянские воинские контингенты). Все же явный намек на то, что ситуация с задержкой жалованья войскам чревата конфликтом, содержится в приведенном отрывке.

В 640 г. крупный византийский чиновник в Риме — хартуллярий Маврикий спровоцировал разгром Латеранского дворца воинами римского гарнизона, внушив им, что папа скрывает от них деньги, присланные императором для уплаты руги. Обращает на себя внимание выражение источника «ругу . . . которую император посылал раз за разом» (*per vices*)⁵⁰. Маврикий убедил солдат в том, что папа присвоил ругу, приславшуюся императором несколько раз подряд, т. е. за несколько лет. Все это время, следовательно, воины не получали жалованья.

Естественно поставить такой вопрос: как могло оказаться императорское жалованье в Латеранском дворце? Ответ содержится в одном из писем Григория Великого. Папа прямо говорит, что в Риме именно он распределяет ругу: «Как в Равенне есть сакелларий для выплаты руги, так в этом городе такой сакелларий — я!»⁵¹. Понятно, что в случае задержки жалованья гнев солдат мог обратиться против папы. Во избежание подобных эксцессов папы были вынуждены выплачивать часть руги из церковных средств (об этом также упоминает Григорий Великий)⁵². Что касается другой ее части, то очень сомнительно, чтобы деньги для ее покрытия присылались из Константинополя. От эпохи первого правления Юстиниана II (685—695) до нас дошло указание, что «в это время императорское благочестие священным повелением своим

⁴⁵ Diehl Ch. Op. cit., p. 292—303; Guillou A. Op. cit., p. 179—202.

⁴⁶ Tjäder J.-O. Op. cit., Pap. 23.

⁴⁷ Maspero J. Organisation militaire de l'Égypte Byzantine. P., 1912, p. 57—58.

⁴⁸ MGH. Gestorum pontificum romanorum. B., 1898, vol. 1, p. 166.

⁴⁹ Guillou A. Op. cit., p. 205—206.

⁵⁰ Gestorum pontificum romanorum, p. 175.

⁵¹ Greg. Magn. Ep. V, 39.

⁵² Ibid., V, 36, 38.

освободило патримонии Бруттия и Луканин от 200 annonoscapita, которые они ежегодно вносили. Также было издано и другое постановление — о восстановлении (в правах) семейств вышеназванного патримония и Сицилии, над которыми довлел военный долг (quae in pignere a militia detinebantur)⁵³. Здесь речь идет о взимании annonae militaris, поступавшей для выплаты воинам руги с тех же папских патримониев. Конечно, эта аннопа не переправлялась сперва в Константинополь, а оттуда в Рим, а прямо поступала в папскую сокровищницу и затем распределялась среди солдат.

То обстоятельство, что жалованье воинам в Риме с конца VI в. выплачивалось папой и из церковных средств, временно поставило войско в прямую зависимость от курии. На этой основе складывается традиция подчинения римского войска папе. Ею объясняются эпизоды, когда солдаты демонстрируют преданность прежде всего папе, а не императору. Так, когда в 649 г. император Константин II направил в Рим экзарха Олимпия с заданием арестовать папу Мартина I, он специально советовал ему первоначально склонить на свою сторону римское войско (exercitus)⁵⁴. Экзарх восстал против императора, когда понял, что настроить войско против папы не удастся и нужно выступить с ним в союзе. На процессе по делу об измене папа кривил душой, когда говорил: «Как мог я противостоят этому человеку, если он руководил войском всей Италии?»⁵⁵. После гибели Олимпия новый экзарх Феодор Каллиопа пришел в Рим с равеннским войском, остававшимся верным империи⁵⁶. Олимпий же «руководил» только войском Рима, преданным папе.

Ролью папы как лидера и фактического руководителя римского войска можно объяснить появление в тексте официальной присяги римского епископа (конец VII в.) весьма своеобразной клятвы: «... христианнейшую Римскую империю... беречь и защищать вместе с преданнейшими и сильнейшими воинами римского государства в Италии; бунтовщикам же и врагам благородной империи... подчинять и низвергать не острием меча, но своими силами, внушая им благоразумие, так чтобы блистательное войско не несло потерь»⁵⁷. Здесь правительство, во-первых, признает, что римский папа способен при желании использовать войско по своему усмотрению; во-вторых, пытается пресечь такую возможность, явно опасаясь нежелательных для империи последствий папского военного руководства.

В других областях Италии сложилась несколько иная картина. Как уже указывалось, выдачей руги в них занимались специально назначенные сакеллари. К середине VII в. эта функция перешла к высшим военным командирам тех или иных итальянских провинций. Например, *magister militum* Дон в 642 г. одновременно командовал равеннским войском и являлся его сакелларием⁵⁸. Средства для уплаты жалованья солдатам и здесь часто черпались из церковных средств. Еще в 599 г. часть сокровищ Равеннской архиепископии была изъята для выдачи воинской руги⁵⁹. Однако отсутствие практики епископских раздач жалованья не позволяло местным иерархам играть такую же роль в жизни гарнизонов городов, какую играл римский папа. Поэтому, в частности, равеннский архиепископ Мавр, приглашенный и не приехавший в 649 г. на церковный собор в Рим, мог сослаться на то, что войско не позволило ему выехать из Равенны⁶⁰.

⁵³ *Gestorum pontificum romanorum*, p. 208.

⁵⁴ *Ibid.*, p. 182.

⁵⁵ PL, t. 80, col. 114.

⁵⁶ *Ibid.*, col. 1999. Характерно, что Каллиопа долгое время опасался вступить в Латеранский дворец, полагая, что папа Мартин прячет там воинов. См.: *Martini* Ep. XV. — In: PL, t. 80, col. 200.

⁵⁷ *Liber Diurnus ou Recueil de Formules, usitées par la chancellerie pontificale du Ve au VIe siècle* / Ed. E. de Rozière. P., 1869, p. 215.

⁵⁸ *Gestorum romanorum pontificum*, p. 178.

⁵⁹ *Greg. Magn. Ep. IX*, 240.

⁶⁰ PL, t. 87, col. 104—105.

В 692 г. то же равеннское и пентаполитанское войско не пустило в Константинополь папу Сергия (687—701), полагая, что Юстиниан II задумал расправиться с ним. Когда из столицы прибыл протоспафарий Захарий с заданием доставить папу к императорскому двору, воины не только не позволили ему осуществить свою миссию, но, лишь снисходя к просьбам папы, отказались от намерения убить императорского посланца⁶¹.

В 702 г. «войско всей Италии» отказалось пропустить в Рим экзарха Феофилакта, который, как и Захарий, с трудом избежал гибели⁶².

Участие войска Равенны и Пентаполя в антиимперских сепаратистских движениях объяснялось целым рядом сложных социальных и политических обстоятельств⁶³. Но оно становилось возможным при одном непременном условии: получение императорского жалованья для византийских воинов в этих областях не являлось уже сколько-нибудь важным источником их жизненных средств. Не будучи экономически заинтересовано в лояльности по отношению к Византии, войско могло выступить на политической арене как независимая от империи сила.

Естественно, что в процессе эволюции войска изменялось его место в социальной структуре Италии. Установлено, что во второй половине VII в. оно являлось уже собственно итальянской общественной группой. В социальной стратификации городского населения оно стояло выше плебса и примерно соответствовало позднеантичному слою *possessores* — проживавших в городах средних и крупных земельных собственников⁶⁴. Обосновавший данную точку зрения Ш. Диль отделял, однако, этот общественный страт от собственно византийского войска, полагая, что речь в источниках идет об особой местной городской милиции. Мнение Дили нашло развитие в позднейшей научной литературе, в частности у П. Рази — автора специальной монографии о вооруженных силах Италии в раннее средневековье⁶⁵. Необходимо специально остановиться на этой проблеме.

Прежде всего отметим, что источники не отличают терминологически войско (*exercitus*) от милиции (*militia*). Эти слова употребляются как синонимы⁶⁶. Равеннское войско, воспрепятствовавшее в 692 г. поездке в Константинополь папы Сергия, представлено в «Книге понтификов Римской церкви» сначала как *militia (excitatum est cor Ravennatis militiae)*⁶⁷, затем как *exercitus (exercitus autem Ravennatis)*⁶⁸. В «*Liber Diurnus*» в одних случаях говорится, что римского папу избирают *presbyteri, diaconi, clerus, axiomatici, exercitus et populus*⁶⁹, в других — *clerus, axiomatici, universitas militiae ac civium*⁷⁰. Наконец, встречается выражение типа *militia Romani exercitus*⁷¹. Ясно, что *militia* и *exercitus* — термины однозначные.

Ш. Диль видел главный довод в пользу отождествления *exercitus*, как городской общественной группы, с местной милицией в его участии в антивизантийских выступлениях второй половины VII—начала VIII в.⁷² Как уже указывалось, эти факты вполне объясняются изменениями в социальном составе войска и тем, что по мере отмирания практики выплаты руги правительство утрачивало рычаги материального воздействия на итальянскую армию.

⁶¹ *Gestorum romanorum pontificum*, p. 212.

⁶² *Ibid.*, p. 217.

⁶³ См. об этом: *Guillou A. Op. cit.*, p. 203—228.

⁶⁴ *Diehl Ch. Op. cit.*, p. 312—315.

⁶⁵ *Rasi P. «Exercitus Italicus» e milizie cittadine nell'alto medioevo*. Padova, 1937.

⁶⁶ Вопреки мнению П. Рази (*Op. cit.*, p. 58).

⁶⁷ *Gestorum pontificum romanorum*, p. 212.

⁶⁸ *Ibid.*

⁶⁹ *Liber Diurnus...*, p. 111.

⁷⁰ *Ibid.*, p. 124, 249.

⁷¹ *Gestorum pontificum romanorum*, p. 211.

⁷² *Diehl Ch. Op. cit.*, p. 309.

Второй довод Дила — активное участие войска (*exercitus*) в избрании римского папы ⁷³. В источниках, в самом деле, многочисленны свидетельства такого рода. Однако для римской традиции избрания высших должностных лиц подобный подход не является непривычным. Как известно, в церемонии *acclamatio* — провозглашения римских и византийских императоров — участвовали «войско, сенат и народ» ⁷⁴. Ни один историк не усомнится на этом основании в регулярном характере римского войска. Можно высказать предположение, что церемония выборов римского первосвященника вобрала в себя элементы императорской *acclamatio*, тем более что для утративших возможность избирать императора римляне папа в какой-то степени его заменял (в несколько более позднее время идея равноправности императора и папы была четко выражена в «Константиновом даре») ⁷⁵. Неправоммерно ставить вопрос: «Мог ли избирать римского папу византийский гарнизон?». Императорское войско в Риме, по крайней мере официально, не было византийским гарнизоном в покоренной стране. Это была римская армия в римском государстве! Примерно с середины VII в. она была уже римской и по существу.

«Книга понтификов...» сохранила рассказ о двух важных эпизодах политической истории Рима 40-х годов VII в., позволяющих представить себе состояние римского войска в это время. Об одном из них уже упоминалось. В 640 г. хартулларий Маврикий спровоцировал разгром папской сокровищницы войсками *exercitus Romanus*, объявив, что в папской казне находятся деньги, присланные императором в счет руги. «Вознегодовали все против божией церкви и двинулись, презрев свои души, все вооруженные, кто только был в городе Рима, от мальчика до старика, в названный Латеранский дворец». Папская казна была разграблена. Маврикий же приказал, «чтобы войско (*exercitus*) оставалось в Латеранском дворце», а сам написал о случившемся эказрху ⁷⁶. III. Диль считал, что в этом рассказе речь идет сперва о войске, а затем — о милиции (войско не получало руги — милиция разгромила дворец). Однако нигде в тексте ничего подобного не говорится. Напротив, ясно, что *exercitus* в начале рассказа (получатели руги) и в конце (воины, оккупировавшие дворец) — одни и те же люди. Их склонял к грабежу Маврикий, они были заинтересованы в разграблении сокровищницы пап — они ее и разграбили. При таком понимании приведенный пассаж несет в себе важнейшую информацию: в 40-х годах VII в. римское войско уже превратилось в социальную группу, состоявшую из людей «от мальчика до старика». Это была единственная военная сила в Риме, только представителей этого общественного страта можно было всерьез назвать людьми вооруженными («... все вооруженные, кто только был в городе»). Почему речь идет только о тех, кто «был в городе»? Где находились остальные?

Ответ содержится в рассказе о следующей аванюре хартуллария Маврикия. В 642 г. Маврикий попытался поднять мятеж против центральной власти. Он сговорился «с теми, с кем прежде опустошал божью церковь, возмущился против патрикия Исаакия (Равеннского эказрха. — О. Б.) и направил посланцев по всем крепостям (*castras*), которые находились вокруг города Рима, и собрал их, и связал себя с ними присягой...». Когда Исаакий узнал, что Маврикий получил клятву в верности «всего войска Италии» (*omnem exercitum Italiae*), он послал против него *magistr'a militum* Дона с армией (*cum exercitu*). Римское

⁷³ Diehl Ch. Op. cit., p. 309.

⁷⁴ См., например: Treitinger O. Die Oströmische Kaiser- und Reichsidee nach ihrer Gestaltung im höfischen Zeremoniell (vom Oströmischen Staats- und Reichsgedanken). Darmstadt, 1956, S. 19.

⁷⁵ Constitutum Constantini / Hrg. von H. Führmann. — In: MGH, Fontes Juris Germanici Antiqui. Weimar, 1968, t. X.

⁷⁶ Gestorum pontificum romanorum, p. 175.

войско (*exercitus Romanus*) «в страхе соединилось с Доном». Мятеж был подавлен ⁷⁷.

Как видим, состав участников мятежа тот же, что и в первом эпизоде, — это римское войско (упоминание о «войске всей Италии», как и в рассказе о процессе папы Мартина, следует считать преувеличением, так как Дон пришел из Равенны с другим войском, верным правительству). Хартулларий Маврикий сговорился с теми же лицами, которые поддержали его в первый раз. Однако, для того чтобы вступить в контакт с солдатами, Маврикий отправил гонцов в крепости вокруг Рима, гарнизон которых составляли воины *exercitus Romanus*. Как совместить эти сведения с историей ограбления Маврикием папской сокровищницы? Перед нами весьма важное указание на черты переходности в организации византийской армии в Италии. Часть войска = социального слоя (дети, старики, конечно, и женщины) постоянно проживает в городе. Зрелые мужчины (все или какая-то часть) фактически несут военную службу в крепостях и, вероятно, в самом городе. Лишь немногие из них принимали участие в разграблении Латерана. Предприняв в дальнейшем попытку узурпации и понимая, что ему предстоит встреча с равеннским войском, Маврикий решил связать себя клятвой с этой частью *exercitus* и потерпел неудачу.

Таким образом, можно считать, что в середине VII в. византийский *exercitus* в Италии представлял собой специфическую привилегированную социальную группу, уже конституировавшуюся и в правовом отношении (главная привилегия — возможность и право носить оружие). Часть его составляло собственно войско, постоянно несшее военную службу в городах и крепостях, получавшее государственное жалованье. Никакой информации о существовании местной городской милиции, отличной от *exercitus*, цитированные тексты не содержат.

Получение жалованья играло важную роль в жизни войска, но не являлось уже единственным средством его материального обеспечения. В дальнейшем значение жалованья постоянно падает. Приведенное выше свидетельство «Книги понтификов...» о кассации долгов по уплате *аннона militaris* в церковных патримониях Лукании, Бруттия и Сицилии — последнее (и единственное во второй половине VII в.) указание на сохранение в Италии воинской руги. Весьма вероятно, что эта отмена долгов была связана с прекращением сбора военного налога. К концу VII столетия итальянская армия, по-видимому, вообще перестает получать жалованье, т. е. окончательно приобретает иррегулярный характер.

Процесс превращения *exercitus* в армию нерегулярную неминуемо сказывался на его мобильности. Если на первом этапе византийского господства та или иная воинская часть могла быть без затруднений перебросена из одного города в другой (на такой переброске солдат из Перуджи и Нарни в Рим настаивал, как мы помним, Григорий Великий), то с середины VII в. *exercitus* итальянских городов уже не отрывался надолго от своих основных баз. В особо важных случаях он мог выступить в поход, даже весьма далекий, но после выполнения боевой задачи возвращался обратно. Так было, когда *magister militum* Дон подавлял с равеннским войском мятеж хартуллария Маврикия, когда (в 653 г.) экзарх Феодор Каллиопа пришел в Рим с равеннскими солдатами для ареста папы Мартина ⁷⁸, когда *exercitus* Истрии, Кампании и даже Сардинии подавили в Сицилии мятеж узурпатора Мезеция (668 г.) ⁷⁹, когда войско Равенны и Пентаполя помешало протоспафарию Захарию доставить в Константинополь папу Сергия, когда *militia* всей Италии не пропустила в Рим экзарха Феофилакта. Еще в конце VI в. войско, базировавшееся в какой-либо крупной итальянской провинции и *ipso facto* подчиненное ее главе (иногда — *magister militum*, как пра-

⁷⁷ Ibid., p. 170.

⁷⁸ PL, t. 80, col. 199.

⁷⁹ Gestorum pontificum romanorum, p. 190.

вило — *dux*), именовалось по ее названию. III. Диль насчитывает четыре такие армии: *exercitus Ravennatis* (по выражению Григория Великого, «первое войско Италии»⁸⁰), *Romanus*, *Neapolitanus* и *Siciliae*⁸¹. В более позднее время появился самостоятельный *exercitus* в Пентаполе⁸², во главе которого стоял *dux* Пентаполя, имевший резиденцию в Римини⁸³. Если первоначально такой *exercitus* представлял собой просто совокупность *numeri*, дислоцированных в одной области и объединенных общим командованием, то во второй половине VII—начале VIII столетия *exercitus* — это все представители военизированного социального слоя городского населения данного дуката (в широком смысле слова) или та их часть, которая непосредственно несет военную службу (в более узком). Во втором значении термин «*exercitus*» используется, когда речь идет о военных походах, в первом — во всех остальных случаях (в рассказах об епископских элекциях, в официальных обращениях к населению города, при перечислении городских общественных групп и т. д.)⁸⁴.

Новому месту войска в социальной структуре городов как нельзя лучше соответствовали изменения в организации византийской власти на местах. Социально-политические перемены на Апеннингах уже к концу VI в. привели к сосредоточению власти, как военной, так и гражданской, в руках одних и тех же лиц, в первую очередь военных командиров. Если экзарх объединял все виды власти в масштабах византийской Италии, то столь же обширными полномочиями обладали *duces* и *magistri militum* в дукатах, трибуны в крепостях и городах⁸⁵. Такое соединение властей позволяло *dux*'ам и трибунам осуществлять власть над *exercitus* и как над войском, и как над социальным слоем. С другой стороны, превращение византийских офицеров в чиновников военно-гражданских придало их положению ряд черт, специфических именно для гражданской администрации Италии. Этим можно объяснить немногочисленные, но весьма показательные известия о замещении военных в основе своей должностей путем выборов.

Согласно Прагматической санкции 554 г. гражданские чиновники (*iudices*) должны были избираться населением провинций⁸⁶. В выборах участвовало духовенство во главе с епископом, а также земельные собственники — *possessores*. Избрание военных командиров для регулярной византийской армии и в VI в., и в более позднее время было явлением немислимым. Следует, однако, учесть, что именно слой *possessores*, трансформировавшись, составил основу иррегулярного войска византийской Италии. Этот факт позволяет объяснить ряд эпизодов итальянской истории первой половины VIII в. В 710 г. в Равенне произошло восстание против византийского господства. Для руководства им равеннцы «избрали себе превосходного мужа по имени Георгий»⁸⁷. Этот Георгий, в дальнейшем именуемый в источнике *dux*, возглавил равеннское войско. Таким образом, *dux*, глава равеннского войска, был избран гражданами. В 730 г., вскоре после обнародования иконоборческих эдиктов императора Льва III Исавра, началось общеитальянское восстание против Византии. В ходе его «все провинции Италии» избрали себе *dux*'ов⁸⁸. Можно ли рассматривать эти события только как проявления антивизантийского сепаратизма населения Италии и расценивать их как свидетельство полного разрыва с империей? Следует вспомнить, что в 726 г. жители города Риальто также сами избрали себе *dux*'а. Тем не менее

⁸⁰ *Greg. Magn. Ep. V, 21.*

⁸¹ *Diehl Ch. Op. cit., p. 197.*

⁸² *Gestorum pontificum romanorum, p. 212.*

⁸³ О *dux*'е Римини упоминает уже Григорий Великий. См.: *Greg. Magn. Ep. I, 56.*

⁸⁴ *Gestorum pontificum romanorum, p. 203; Liber Diurnus... p. 110—111, 113—114, 119 etc.*

⁸⁵ *Diehl Ch. Op. cit., p. 141—156.*

⁸⁶ *Constitutio pragmatica, 12. — In: Corpus juris civilis. B., 1899, t. III, col. 798—803.*

⁸⁷ *Agnellus, p. 369.*

⁸⁸ *Le liber pontificalis / Texte, introd. et comm. par L. Duchésne. P., 1955, t. 1, p. 405.*

эта акция не рассматривалась ими как окончательное отделение от Византии. Правительство было вынуждено вскоре санкционировать право риальтинцев выбирать *dux'a* Вено (742 г.)⁸⁹.

Ценные данные по поводу подобных избраний содержит *Placitum de Rignano* — составленный в 802 г. отчет о разборе жалобы арендаторов каролингского фиска в Истрии на истрийского герцога Иоанна. Жалобщики — потомки византийских городских посессоров и арендаторов, т. е. представители слоя *exercitus*. Они сообщают, что «под властью греков» их предки имели *actus tribunati*, т. е. право самостоятельного выбора доместиков, викариев, локосерваторов и даже трибунов. «Если же кто хотел получить высшее достоинство, начиная от трибуна, то отправлялся к императору, который назначал его ипатом. Тогда тот, кто был императорским ипатом, всюду выступал вторым, вслед за *magistr'om militum*»⁹⁰. Итак, при византийцах (во всяком случае, в последние годы имперского господства) земельные собственники Истрии сами избирали представителей не только гражданской (*vicarii, locoservatori*), но и военной (*domestici, tribuni*) администрации. На этом уровне не требовалось даже утверждения императора⁹¹. Лишь при выборах ипата (консула), второго после *magistr'a militum* чиновника в дукате, необходима была императорская «ординация». Отметим, что консулы обладали в Италии широкими военными полномочиями и причислялись к верхушке войска. «*Liber Diurnus...*» отмечает, что в ряде случаев «блистательный консул и могучие трибуны» подписывали официальные документы от имени всего *exercitus*⁹². Таким образом, можно считать, что офицеры итальянского *exercitus*, известные по источникам как *primates exercitus*⁹³, *optimates militiae*⁹⁴, *axiomatici*⁹⁵ и т. п., на последнем этапе византийского владычества избирались членами войска-сословия. Завоеванное в огне восстаний VIII в. право избирать *dux'ов* — высших представителей военно-гражданской администрации — завершило оформление системы выборности командиров в войске византийской Италии⁹⁶. Ее складывание, которое предположительно может быть приурочено ко второй половине VII—первой половине VIII столетия, было следствием и одновременно новым важным проявлением процесса иррегуляризации византийской армии в Италии.

Волна восстаний против византийской власти, прокатившаяся по Италии в первой половине VIII в. и подготовившая ее окончательное отпадение от империи, образует важнейшую грань в истории итальянской армии. К сожалению, сколько-нибудь подробные сведения о сущности свершившегося переворота дошли до нас только от Равенны. В 710 г. император Юстиниан II направил в Равенну карательную экспедицию стратига Феодора в наказание за участие некоторых равеннцев в его первом низложении (695 г.). Большая группа представителей равеннской знати во главе с архиепископом Феликсом была предательски за-

⁸⁹ См. об этом: *Diehl Ch.* La république de Venise. P., 1967, p. 36. III. Диль предполагает, что трибунов жители Рьяльто избирали и прежде.

⁹⁰ *Guillou A.* Op. cit., p. 305.

⁹¹ В первые годы византийской власти трибуны в Италии назначались экзархом (*Greg. Magn.* Ep. IX, 205). Возможно, что, когда эта должность стала выборной, для окончательного утверждения в ней было необходимо получение «*ordinatio*» из Равенны.

⁹² *Liber Diurnus...* p. 113—114.

⁹³ *Gestorum pontificum romanorum*, p. 207.

⁹⁴ *Liber Diurnus...* p. 171.

⁹⁵ *Ibid.*, p. 111, 124.

⁹⁶ В этом отношении армия Италии отличалась от византийского фемного войска, в котором не существовало практики выборов военных командиров. Причина, видимо, в том, что в Италии развитие иррегуляризации армии было тесно связано с ростом местного сепаратизма, имевшего антивизантийскую направленность. В этих условиях власть императоров начинала восприниматься как иноземная, назначение чиновников и офицеров из Константинополя — как насилие над правами италийцев. Для подавляющего большинства фем такое отношение населения к византийским императорам нехарактерно.

хвачена и привезена в Константинополь, где многие из них были казнены. Эта акция и стала поводом к восстанию Георгия. Вновь избранный *dux* приступил к организации обороны города. В частности, были призваны для охраны городской цитадели население равеннских пригородов (*ex suburbano undique*) и крестьяне из горных деревень (*foederati viri de montuosis... locis*). В расположенные вблизи Равенны крепости (*castra*) были направлены отряды из числа зрелых мужчин и молодежи (*pubes cum iuvenilibus*). Была обеспечена оборона более мелких городов экархата (Болоньи, Форли, Форлимпополи, Червии, Сарсины), вероятно, силами местных жителей. Для охраны побережья были привлечены *coloni decumani* (церковные колонны, платившие ренту из расчета 0,1 части урожая). Георгий «... *divisit populum civitatis in undecimas partes. Unusquisque miles secundum suam militiam et numerum incedat, id est: Ravenna, bandus primus, bandus secundus, bandus novus, invictis, Constantinopolitanus, firmens, laetus, Mediolanensi, Classensis, partes pontificis cum clericis*»⁹⁷.

Как видим, военная реформа Георгия обернулась своеобразным поголовным призывом в войско, которого не избежала даже часть духовенства. В то же время военная организация равеннцев, созданная в ходе восстания, обнаруживает явные черты сходства с организацией византийского войска в Италии. Армия делится на *bandi*. Однако ясно, что описавший ход восстания равеннский аббат Агнелл слово *bandus*⁹⁸ употребляет в значении *numerus*. Во фразе «каждый воин выступает в соответствии со своей *militia* и *numerus*, т. е.: Равенна, *bandus primus*...» Равенна соответствует понятию *militia*, *bandus primus* — понятию *numerus*⁹⁹. *Militia*, как мы помним, тождественна *exercitus*. Таким образом, каждый воин в восставшей Равенне считался солдатом Равеннского *exercitus* и соответствующего *numerus*, как и в византийском войске. Дополнительное доказательство такого толкования можно видеть в том факте, что и «Стратегикон» императора Маврикия использует термин «*bandus*» для обозначения регулярных византийских воинских частей¹⁰⁰. Внутреннее построение равеннских *bandi* приближалось к структуре византийских *numeri*. От несколько более позднего времени (764 г.) до нас дошла равеннская дарственная грамота, под которой подписались двое *domestici bandi primi* — того самого *bandus*, который назван первым в перечне Агнелла¹⁰¹. *Domesticus* — это широко распространенный в ранневизантийском войске офицерский чин. Он, как мы видим, сохранился в Равенне и после реформы Георгия. Среди названий *bandi*, приводимых Агнеллом, такие, как *Mediolanensium*, *Veronensium*, *Letorum (laetus)*, существовавшие в византийском войске в Италии и в VII в. В *bandus Armeniacus* можно видеть прежний *Arminiorum*. Не упоминается известный по ранним источникам *numerus Ravennatis*. Можно предположить, что вследствие резкого увеличения числа воинов он был разбит на номерные *numeri* — *Primus*, *Secundus* («Равеннский первый», «Равеннский второй»). А. Гийу, не приводя доказательств, предположил, что *bandus Constantinopolitanus* был создан специально для охраны дворца экарха¹⁰². Представляется более вероятным, что в византийском войске в Италии и прежде имелся *numerus* с таким названием, хотя и не сохранившимся источниками, и наименование *Constantinopolitanus* также традиционно.

⁹⁷ Весь рассказ — в «Книге понтификов Равеннской церкви» Агнелла. См.: *Agnellus*, р. 367—370.

⁹⁸ Термин «*bandus*» происходит от германского названия знамени, под которым шли в бой варварские военные отряды. Ср. у Павла Дякона (I, 20): «*Vexillum, quem bandum appellant*» (цит. по: *Pauli Diaconi Historia gentis langobardorum*. — In: *Scriptores rerum langobardicarum*..., р. 12—187).

⁹⁹ Поэтому не прав П. Рази, считающий, что *numeri* в Равенне подразделялись на *bandi* (Op. cit., р. 57).

¹⁰⁰ На это обратил внимание Дж. Хэлдон. См.: *Haldon J. F.* Op. cit., р. 32.

¹⁰¹ *Fantuzzi M.* Monumenti Ravennati di secoli di mezzo. Venetia, 1802, т. II, р. 4.

¹⁰² *Guillou A.* Op. cit., р. 161.

Итак, преемственность между структурой византийской армии и структурой равеннского повстанческого войска не вызывает сомнений. Поэтому нельзя согласиться с господствующим до сих пор в науке мнением Ш. Дила, что Георгий реформировал равеннскую милицию, не имеющую ничего общего с византийским войском¹⁰³. Георгий возглавил именно войско — *exercitus*, формально еще византийское, по существу равеннское. Эта мысль подтверждается и тем фактом, что в Равенне в этот период не было никакого другого войска. Стратиг Феодор прибыл из Константинополя с византийскими солдатами. Выполнив поручение императора, он с ними же отплыл в столицу. Ни во время разгрома Равенны, учиненного воинами Феодора, ни в ходе восстания Георгия равеннское войско, несомненно существовавшее и в это время, никак себя не проявляет. Остается признать, что войско — *exercitus* — в ходе восстания Георгия стало костяком и основой новой военной организации. Особая острота конфликта с империей заставила Георгия распространить эту организацию практически на все население Равенны. Это стало возможным потому, что в изучаемое время *exercitus Italicus* утрачивает, как видно, последние черты регулярности. Как явствует из рассказа о восстании, лишь в преддверии военных действий отряды горожан заняли свои места в крепостях вблизи Равенны. В отличие от середины VII в., когда часть воинов еще постоянно несла службу в укрепленных пунктах, в начале VIII в. укрепления стояли лишенными охраны¹⁰⁴. Вероятно, и цитадели крупных городов не имели стабильных гарнизонов, иначе равеннцам не пришлось бы привлекать для защиты стен жителей субурбиев. Захватив знатных равеннцев, воины Феодора поднялись на городские стены и зажгли город, метая сверху горящие предметы¹⁰⁵. Этого не могло бы случиться, если бы стены охранялись. Иррегулярный характер равеннского войска, в сущности превратившегося в ополчение, позволял в случае необходимости привлечь в его ряды самые широкие массы городских жителей, что и произошло в момент восстания Георгия.

В дальнейшем структура, созданная Георгием, сохранялась в Равенне многие десятилетия («вплоть до сего дня», — писал Агнелл в 40-х годах IX в.¹⁰⁶). Для истории Равенны реформа Георгия образует ту грань, которая отделяет византийское войско в Италии от собственно итальянского городского ополчения. Для большинства других городов Италии, и прежде всего для Рима, такой гранью стали антииконоборческие восстания 30-х годов VIII в. К сожалению, мы очень немного знаем об изменениях в организации войска за пределами Равенны в это время. Известно лишь, что в 80-х годах VIII в. римский *exercitus* подразделялся не на *bandi*, а на *scholae*¹⁰⁷. Таким образом, было воспринято название не обычных регулярных византийских подразделений, а привилегированных гвардейских формирований, охранявших особу императора (как указывалось выше, еще в VI в. они сохранялись в Италии).

Можно ли считать, что новая военная структура основывалась на своеобразной всеобщей воинской повинности жителей городов? (Этого мнения придерживается такой авторитетный историк, как А. Гийу¹⁰⁸.) Бесспорно, такая повинность была фактически введена в Равенне в мо-

¹⁰³ *Diehl Ch. Etudes.*, p. 317—318.

¹⁰⁴ Возможен был и иной вариант. Крепость превращалась в небольшой городок с постоянным населением. Такова судьба Червии, Сарсины и ряда других укрепленных пунктов. В Истрии в такое поселение превратился военный лагерь. Сочетание «*Numerus Tergestinus*» стало его названием. См.: *Guillou A. Op. cit.*, p. 303. С военной точки зрения превращение фортов в поселения — столь же явное свидетельство иррегуляризации войска, как и отсутствие в них постоянных гарнизонов.

¹⁰⁵ *Agnellus*, p. 368.

¹⁰⁶ *Ibid.*, p. 370.

¹⁰⁷ *Chechini. I fondi militari Romano-bizantini considerati in relazione con l'arimania.* — In: *Archivio giuridico «Filippo Serafini»*, Roma; Modena, 1907, Ser. 3, vol. VII, p. 441.

¹⁰⁸ *Guillou A. Op. cit.*, p. 161.

мент восстания Георгия. Однако если бы она стала постоянным явлением, то *exercitus* как отдельный общественный страт быстро растворился бы в других прослойках городского населения. Тем не менее этого не произошло. *Exercitus* как самостоятельная социальная группа городского населения неоднократно упоминается в источниках как VIII, так и IX в. Скорее дело обстоит иначе. Собственно военная организация, как и прежде, охватывала лишь представителей *exercitus*. Именно силами *exercitus* осуществлялись все значительные вооруженные акции. В случае же крайней опасности для родного города все жители, как в ходе восстания Георгия, принимали участие в его обороне. Для такого участия, характерного для всего средневековья, не требовалась постоянная организация мирного населения в военных целях¹⁰⁹.

Рассмотренный материал позволяет поставить под сомнение само наличие в итальянских городах в VII—VIII вв. какой-либо местной милиции, отличающейся от войска. Исследователи не смогли привести ни одного факта из итальянской истории, определенно указывающего на ее существование. Известное позднеримское законодательное установление об обязанности всех граждан охранять от нападения врага городские стены (*Novella Valentiniani, V*) само по себе не является доказательством присутствия городской милиции в Италии. Во-первых речь в нем идет о повинности, к исполнению которой жители городов привлекались лишь от случая к случаю¹¹⁰. Во-вторых, в условиях, когда значительная часть горожан — *possessores* — составляет основу войска, в организации для этой цели всех граждан нет необходимости. В-третьих, согласно выкладкам П. Рази, расцвет городской милиции в Италии падает на первую половину VIII в.¹¹¹ История восстания Георгия показывает, что именно в это время стены городов практически не охранялись. А. Гийу видит подтверждение мысли о существовании городской милиции в рассказе Агнелла из Равенны о систематических кулачных боях между жителями двух равенских районов — *Pusterula* и *Tiguriensis*¹¹². Однако даже если бы подтвердилось его остроумное предположение о том, что мы имеем здесь дело с отголосками борьбы димов и факций, из этого еще не следует, что в VII—VIII вв. в Равенне сохранялась территориальная военная структура. Из числа участников побоищ между городскими кварталами одни сражались мечами, другие — камнями и палками¹¹³. Последние были слишком плохо вооружены даже для представителей территориальных военных формирований и вряд ли могли принадлежать к какой-либо милиции. Присутствие же среди сражающихся воинов, вооруженных мечами, объясняется тем, что и члены *exercitus*, проживавшие в названных кварталах, принимали участие в драках¹¹⁴. Таким образом, доводы сторонников гипотезы о существовании в Италии особой городской милиции нельзя признать убедительными и их точка зрения остается необоснованной.

Имелись ли в Италии византийские войска, не входившие в *exercitus*? На этот вопрос можно также ответить отрицательно. За весь VII век лишь однажды (в 663 г.) византийское правительство направляло войска в Италию. Тогда император Константин II, вознамерившись перенести сто-

¹⁰⁹ Отметим, что призванные в ополчение в момент мятежа равенские клирики все-таки не образовали собственного *bandus numerus*. Их воинство охарактеризовано в источнике как «*partes pontificis cum clericis*». В этом проявилось понимание Георгием и его сподвижниками того факта, что привлечение духовенства к военной службе носит исключительный и временный характер.

¹¹⁰ Самый поздний пример такого рода в истории Италии относится к эпохе Григория Великого. См.: *Greg. Magn. Ep. VIII, 19*.

¹¹¹ *Rasi P. Op. cit., p. 151 sq.*

¹¹² *Guillou A. Op. cit., p. 162—163.*

¹¹³ *Agnellus, p. 361.*

¹¹⁴ Как указывает Агнелл, в числе бойцов были «равенские граждане, не только знатные, но и [простые] люди разного возраста, юнца и молодежь, [лица] среднего достатка и бедняки, без различия пола» (*Ibid.*).

лицу в Сиракузы, прибыл в Италию с войском и после ряда неудачных сражений с лангобардами отошел в Сицилию, где вскоре был убит. Его армия (*exercitus Orientalis*) приняла участие в 668 г. в мятеже узурпатора Мезеция и была разгромлена, что привело к частичному захвату острова сарацинами¹¹⁵. Возможно, какая-то часть солдат Константа II осталась в Италии. В этом случае она скоро натурализовалась здесь, как и подразделения армии вторжения VI в. В дальнейшем правительство посылало иногда к берегам Италии лишь морские экспедиции карательного характера, вскоре возвращавшиеся в Константинополь (как в случае с Равенной в 710 г.). Начиная с эпохи иконоборчества войны, входившие в состав таких экспедиций, воспринимались уже как захватчики. Так, в 732 г. равеннский *exercitus* разгромил посланное из столицы императорское войско, высадившееся у стен города. Характерно, что, рассказывая об этом, хронист именует византийцев *relasgi*, впервые противопоставляя их войску некогда византийской Италии¹¹⁶. Перед нами еще одно важное свидетельство окончательной трансформации равеннского *exercitus* в местное итальянское воинское формирование.

Итак, рассмотренный материал позволяет заключить, что византийско-итальянское войско было во второй половине VI—первой половине VIII в. единственной вооруженной силой византийской Италии. За это время оно прошло длительный путь эволюции от регулярной армии до местной городской милиции. Этот процесс протекал на основе слияния войска со слоем городских *possessores*, что привело к возникновению особой социальной группы — *exercitus* или *militia*. С военно-организационной точки зрения основные звенья этой эволюции (в хронологическом порядке) таковы: переход к формированию военных подразделений (*unitate*) в самой Италии; пополнение всех византийских воинских частей на Апеннинах за счет местных уроженцев; многолетние задержки в выплате жалованья солдатам, а затем и полный отказ от выдачи руги; прекращение перебросок войск из одного города в другой, определившее постоянный состав *exercitus* отдельных провинций; превращение папы в неофициального руководителя римского *exercitus*; установление выборности военных командиров; отказ от несения постоянной гарнизонной службы и службы по охране стен городов; наконец, спонтанная реформа внутренней структуры войска в соответствии с местными условиями, независимо от воли византийского правительства.

¹¹⁵ *Gestorum pontificum romanorum*, p. 190.

¹¹⁶ *Agnellus*, p. 377.